

К онтологии и категоризации политэкономии несвободы

Ушаков Денис Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: fintaliano@yandex.ru

Подольская Татьяна Валентиновна

Кандидат экономических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт управления, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: Podolskaya-tv@ranepa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая экономия, онтология, несвобода, подчинение, легитимация, издержки легитимации, капитализм, инстинкт подчинения

АННОТАЦИЯ

Статья предлагает построение политической экономии на отличных от либеральных, марксистских и институционалистских антропологических основаниях. В противовес аксиоме о стремлении человека к свободе авторы обращаются к традиции философской антропологии, психоанализа и социальной психологии (Б. Паскаль, Ф.М. Достоевский, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, Ж. Лакан, С. Милгрэм, Ф. Зимбардо, Т. Адорно, Дж. Агамбен), в которой обосновывается тезис об укоренённости подчинения в структуре субъективности, его бессознательном характере и активном избегании человеком свободы. Из этого выводится альтернативная антропологическая аксиома: человек по природе несвободен, подчинение составляет его инстинкт. Экономика определяется не как сфера производства благ или пространство реализации свободы, а как система организации подчинения в устойчивые, воспроизводимые формы. Ключевым механизмом, превращающим инстинкт подчинения в социально приемлемое и институционально закреплённое отношение, выступает легитимация. Издержки легитимации - материальные, символические, психологические, институциональные - служат критерием различия исторических режимов организации подчинения. Капитализм квалифицируется как форма, в которой легитимация приобретает характер самоокупаемого товара, а издержки перекладываются на самого подчиняющегося. На основе предложенной онтологии переосмысливаются фундаментальные категории политической экономии: товар, деньги, труд, капитал, прибавочная стоимость, кризис, рента. Эвристический потенциал модели демонстрируется на примере феноменов, остающихся проблемными для классической традиции: дифференциация зарплат, глобализация, экологический кризис, цифровая экономика. Исследование носит теоретический характер и задаёт направление для последующей эмпирической операционализации предложенных категорий.

JEL codes: A12, A13, B50

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-6-31-43>

Для цитирования: Ушаков, Д.С. К онтологии и категоризации политэкономии несвободы / Д.С. Ушаков, Т.В. Подольская. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 6. – С.31-43. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.06.2026)

Введение

Политическая экономия традиционно исходит из антропологического допущения, согласно которому стремление к свободе составляет родовую характеристику человека. Либеральная школа усматривает в рыночном обмене реализацию этого стремления, марксистская - связывает его осуществление с преодолением отчуждения и переходом к коммунистической формации, институциональная экономика - принимает данное допущение как не требующее обоснования. Принципиальный дискурс разворачивается лишь в определении средств достижения свободы и

идентификации ее препятствий. Классическое выражение либеральной позиции содержится в работе Ф. Хайека «Дорога к рабству», где государственное вмешательство квалифицируется как путь к утрате индивидуальной свободы [27].

Однако философия, психоанализ и социальная психология систематически ставят под сомнение саму аксиоматику политэкономии. В работах Б. Паскаля, Ф.М. Достоевского, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Фромма, Ж. Лакана, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, Т. Адорно, Дж. Агамбена обосновывается положение, согласно которому подчинение укоренено в структуре субъективности, конституируется языком и символическим порядком и действует на бессознательном уровне. Человек не обнаруживает устойчивого стремления к свободе; напротив, он активно избегает её, предпочитая определённые формы подчинения и иерархии.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ре-аксиоматизация политэкономии на основе достижений философской антропологии, психоанализа и социальной психологии, позволит не только переопределить операционалистскую и историческую логику центральных категорий политэкономической науки, но и открыть возможности объяснить феномены, все еще остающиеся для классиков принципиально необъяснимыми. Либерализм не может последовательно истолковать почему люди добровольно остаются в унижительных формах занятости, голосуют против собственных экономических интересов и принимают долговое бремя. Марксизм не способен объяснить отсутствие революционного сознания в условиях, квалифицируемых его теорией как кризисные, а также неконкурентоспособность социалистических альтернатив. Институционализм не даёт удовлетворительного ответа на вопрос, почему формально корректные институты работают в одних странах, но не работают в других.

Методология исследования

Методологически работа носит междисциплинарный характер, строится на синтезе философской антропологии (Паскаль, Достоевский, Шопенгауэр, Ницше), психоанализа (Фрейд, Лакан, Фромм), экспериментальной социальной психологии (Милгрэм, Зимбардо, Адорно), критической теории (Фуко, Агамбен) и классической политической экономии (Смит, Маркс, Коуз, Норт). Методологической стратегией выступает теоретическая реконструкция - пересборка категориального аппарата политэкономии на основе иного антропологического фундамента. Типология исторических режимов легитимации построена как выделение идеальных типов в веберовском смысле, позволяющих анализировать конкретные общества как гибридные образования. Категории, переосмысленные в работе, сохраняют операциональность для последующего эмпирического анализа, но на данном этапе исследование носит преимущественно теоретический характер.

Цель работы состоит в построении теоретической модели политической экономии, исходящей из онтологического тезиса о несвободе как исходном состоянии человека, и переосмыслении на этой основе фундаментальных категорий политико-экономического анализа.

Научная гипотеза заключается в том, что человек по природе несвободен, обладает инстинктом подчинения. Экономика, следовательно, есть не сфера производства благ и не пространство реализации свободы, а система организации подчинения в устойчивые, воспроизводимые формы. Легитимация выступает механизмом, превращающим инстинкт подчинения в социально приемлемое, психологически выносимое, институционально закреплённое отношение, издержки которой (материальные, символические, психологические, институциональные) различают исторические режимы организации подчинения. Капитализм оказывается финальной, непревзойдённой формой организации подчинения не потому, что он «свободнее» или «эффективнее» в производстве благ, а потому что он переложил издержки легитимации на самого подчиняющегося и сделал их самоокупаемыми. Все фундаментальные категории политической экономии (товар, деньги, труд, капитал, прибавочная стоимость, кризис, рента) подлежат переосмыслению как способы существования подчинения, различающиеся по форме, временному горизонту и эффективности

легитимации.

Для достижения цели и проверки гипотезы в работе решаются следующие задачи:

- обоснование онтологии несвободы как альтернативы антропологическим основаниям классической политической экономии;
- введение понятия легитимации как ключевого механизма, превращающего инстинкт подчинения в устойчивую социальную форму;
- разработка типологии исторических режимов легитимации, различающихся по тому, кто и как несёт издержки легитимации;
- переосмысление фундаментальных категорий политической экономии (товар, деньги, труд, капитал, прибавочная стоимость, кризис, рента);
- демонстрация эвристического потенциала предложенной модели на примере феноменов, остающихся проблемными для классической традиции (разный уровень зарплат, абстрактный труд, глобализация, экологический кризис, цифровая и платформенная экономика, криптовалюты).

Онтология несвободы

Классическая политическая экономия от Смита до Маркса, от неоклассики до современного институционализма исходит из негласной предпосылки: человек стремится к свободе. Либерализм утверждает, что человек рождается свободным, а рынок есть пространство реализации этой свободы [19, с. 45]. Маркс видит в капитализме отчуждение родовой сущности человека, а в коммунизме - царство свободы, где «свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех» [13, с. 47]. Даже консервативная критика капитализма редко оспаривает саму идею свободы как нормы, а споры идут лишь о том, как ее достичь и кто ей угрожает.

Бытие есть порядок. Всякое сущее включено в систему законов, связей, детерминаций. Физические законы, биологические инстинкты, социальные нормы, логические структуры - все это образует ткань Порядка, внутри которого только и возможно существование. Так, по Г. Гегелю мир - это саморазвертывание Разума, где нет места хаосу, и «все разумное действительно, а все действительное разумно» [5]. В Порядке нет места свободе в абсолютном смысле. Свобода означала бы выход за пределы детерминации, что равносильно переходу в небытие. «Свобода состоит не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов... Свобода есть познанная необходимость» [30].

Человек - часть этого Порядка. Он подчинен законам физики, химии, биологии. Он рождается и умирает, испытывает голод, страх, усталость, влечения. Это первое рабство - рабство перед природой. Животное не является «рабом» своих инстинктов; оно есть эти инстинкты. «Животное не есть лицо, потому что оно не в состоянии сказать «Я»... Оно не выделяет себя из своего влечения» [6, с. 210]. Человек же, благодаря рефлексии, способен осознать свою подчиненность природе - и именно это осознание делает его рабом в полном смысле слова - «люди лишь по той причине считают себя свободными, что свои поступки они сознают, а причин, которыми они определяются, не знают» [20].

Фундаментальная онтологическая структура, укореняющая подчинение на уровне инстинкта, задается дуэтом памяти и различения. Память удерживает след, по мнению А. Бергсона «наше прошлое - это наше «Я» в его становлении... Память - это не способность складывать воспоминания в ящик, это само сохранение прошлого в настоящем» [2, с. 165]. Без памяти нет различия, нет времени, нет субъекта. Различение - акт, который рождает смысл, форму, определенность. Их неразделимое единство составляет базовый принцип всякого порядка. «Различение - это то, что делает движение означивания возможным... след есть не просто отсутствие присутствия, он - условие возможности всякого смысла» [7, с. 27]. Человек - точка, где память стала самореферентной, обратилась на себя, породив «Я», рефлексия, историю. Мы не «обладаем» памятью; мы есть память, а наше тело, разум, «Я» - сложнейшие ее конфигурации.

Рефлексия, самосознание - не дар, ведущий к освобождению. Это результат эволюционного «сбоя», когда память, усложняясь, начала обрабатывать саму себя.

Система Порядка столкнулась с угрозой: появился субъект, способный ставить под вопрос сами законы своего существования. Ответом системы стало создание второй природы. Этика, культура, мораль, право, идеологии - все это искусственные конструкции, которые выполняют функцию «иммунного ответа», превосходно определенные М. Фуко в работах о дисциплинарной власти, не подавляющей, а производящей человека - «власть не просто запрещает, она производит... она производит реальность, она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и познание о нем - результаты этого производства» [25].

Вторая природа канализирует рефлексию, давая ей готовые объекты (добро/зло, долг, смысл), которые интериоризируют подчинение, превращая внешние запреты во внутреннюю совесть, легитимируют несвободу, делая ее не просто терпимой, но желанной. Ф. Ницше описывает, как человек, лишенный возможности выплеснуть инстинкты вовне, направил их внутрь себя, создав «душу» - «Все инстинкты, не разряжающиеся вовне, обращаются вовнутрь – это называю я уходом-в-себя человека: так именно начинает в человеке расти то, что позднее назовут его “душою”» [14, С. 437].

Г. Гегель, несмотря на свой оптимизм относительно движения духа к свободе, дает ключевое свидетельство в пользу этого тезиса. Дух, по Гегелю, стремится к свободе. Но стремление к свободе есть форма несвободы. «Дух есть только то, что он делает из себя, и он делает себя тем, что он есть в себе, а это есть понятие свободы» [6, с. 78]. Стремящийся определяется отсутствием того, к чему стремится. Гегелевский дух, устремленный к свободе, тем самым демонстрирует свою несвободу. Диалектика господина и раба обнажает эту структуру: господин зависим от признания раба, раб же через труд и страх обретает самосознание. Ни тот, ни другой не свободны; они связаны взаимной зависимостью, которая и есть суть Порядка.

Б. Паскаль в XVII веке зафиксировал этот феномен. Человек бежит от осознания своей конечности и несвободы в «развлечение» (*divertissement*), в иллюзию занятости. «Величие человека тем и велико, что он сознает свое горестное ничтожество. Дерево своего ничтожества не сознает. ... Свое ничтожество чувствует только человек» [17, с. 113]. Паскаль не строит политэкономию, но задает антропологический контур: человек не есть свободный субъект, он есть существо, которое нуждается в форме, даже если эта форма есть форма рабства.

Ф. Достоевский в «Записках из подполья» доводит этот тезис до предела. Человек, даже получив полную свободу и благоденствие, начнет делать «гадости», чтобы доказать, что он не клавиша рояля [8, с. 28]. Свобода переживается как бремя, от которого человек бежит. Подчинение - не наказание, а защита от неопределенности.

А. Шопенгауэр дает онтологическое обоснование инстинктивности подчинения - мир есть воля. Воля - слепое, бессмысленное, бесконечное стремление, объективизация которого - человек, который «может делать что хочет, но не может хотеть что хочет» [29, с. 78]. Свобода воли - иллюзия. Человек не выбирает свои желания; он есть желание. Шопенгауэр отрицает свободу воли не в моральном, а в онтологическом смысле: субъект не предшествует своим влечениям, он ими конституируется.

Ф. Ницше развивает эту линию в критике свободной воли, определяя ее «теологической выдумкой», «плебейским тщеславием». «Человек не свободен воли, он сам есть воля» [15, с. 89]. Свобода для него - не исходное состояние, а результат самопреодоления. «Свободный человек» - это достижение, а не данность. Большинство людей не способны к свободе. Они нуждаются в господине, в стаде, в морали, в иллюзиях. Стремление к свободе есть признание своей несвободы: тот, кто действительно свободен, не стремится к свободе.

Психоанализ подтверждает эти выводы на ином языке. З. Фрейд показал, что субъект конституируется через интериоризацию запрета. Сверх-Я - это не голос совести, а голос авторитета, ставший внутренним. «Сверх-Я сохраняет характер отца, причём чем сильнее был эдипов комплекс и чем быстрее он был подавлен (под влиянием авторитета, религиозного учения, школьного воспитания и чтения), тем строже впоследствии будет господство Сверх-Я над Я - в форме совести

или, возможно, бессознательного чувства вины» [23, с. 87]. Человек не выбирает свой Сверх-Я; он им структурируется, и оно действует бессознательно, заставляя подчиняться даже тогда, когда внешнего принуждения нет.

Принуждение к повторению (Wiederholungszwang) - еще один фрейдовский механизм, объясняющий устойчивость подчинения. Субъект бессознательно воспроизводит травматические ситуации, даже если они приносят страдание. «Чем более патогенен пережитый материал, тем упорнее тенденция к повторению» [22, с. 234]. Этим объясняется, почему люди возвращаются к деструктивным формам подчинения - не вопреки, а потому что они знакомы, структурируют психику, снимают неопределенность.

Э. Фромм соединил психоанализ с социальной теорией. В работе «Бегство от свободы» [24] он показал: свобода, обретенная после крушения средневекового порядка, привела к тревоге, изоляции, чувству бессмысленности. Человек готов отдать эту свободу авторитарному лидеру, раствориться в толпе, подчиниться бюрократии - лишь бы избавиться от бремени выбора. Э. Фромм вводит понятие авторитарного характера, для которого подчинение и властвование - две стороны одной медали: мазохистское стремление подчиниться, садистское - подчинить других. И это не патология, а распространенная структура характера, формируемая социальными условиями.

Ж. Лакан радикализирует этот тезис - «желание человека получает свой смысл от желания Другого» [11, с. 189]. Субъект не знает, чего он хочет; он хочет того, что, как ему кажется, хочет Другой. Свобода в лакановском смысле невозможна: субъект всегда уже разделен, всегда уже определен местом, которое ему отведено в дискурсе.

Экспериментальная социальная психология дает эмпирическое подтверждение тезиса об инстинктивности подчинения. С. Милгрэм в 1960-х годах показал, что обычные люди готовы причинять боль другим, если это приказано авторитетной фигурой [32, р. 35]. Не потому, что они жестоки, а потому что ситуация активирует механизм подчинения. Ф. Зимбардо в Стэнфордском тюремном эксперименте продемонстрировал, как быстро люди принимают роли надзирателей и заключенных, проявляя жестокость или беспомощность [33, р. 78]. Т. Адорно с эмпирически зафиксировал корреляцию между авторитарным подчинением и глубинными структурами личности, сформированными в раннем детстве [31, р. 228].

Все эти данные сходятся в одном. Подчинение не требует особой «предрасположенности», а является базовой, легко активируемой структурой человеческой психики. Автономия, способность к независимому суждению и действию - напротив, результат сложного развития и поддержания специальных условий.

Д. Агамбен вводит политическое измерение этого тезиса. Homo sacer - человек, чья жизнь сведена к «голой жизни», исключен из политического сообщества, но остается под властью суверена. Западная политическая традиция строится на исключении, а не на свободе. «Суверен есть тот, кто решает о чрезвычайном положении» [1, с. 19]. Человек всегда уже захвачен властью, даже когда ему кажется, что он свободен.

М. Хайдеггер вводит понятие «заброшенности» (Geworfenheit). Человек не выбирает свое бытие; он «вброшен» в мир, в ситуацию, в историю. «Фактичность заброшенности Dasein не только не есть факт, но и не есть нечто такое, что могло бы быть определено в терминах фактов» [26, с. 185]. Это не детерминизм, но и не свобода в либеральном смысле. Человек не является самозаконным субъектом; его бытие-в-мире всегда уже определено.

Свобода, таким образом, не является онтологической данностью. Она - редкое, хрупкое, требующее специальных условий состояние, которое большинство людей не ищут и не выдерживают. Человек по природе несвободен. Подчинение - его инстинкт. Порядок, в котором он существует, не оставляет места для абсолютной свободы. Рефлексия, вопреки просвещенческому мифу, не освобождает, а создает условия для новой, более глубокой формы подчинения - через вторую природу. Вопрос, следовательно, не в том, как освободить человека (это невозможно), а в том, какую

форму несвободы он получит и как эта форма будет легитимирована.

Политэкономия несвободы: формы легитимации

Политическая экономия определяет экономику как сферу производства, обмена и потребления благ. Либералы видят в рынке механизм координации автономных индивидов, максимизирующих полезность [19, с. 63]. К. Маркс определяет экономику через способ производства, в основе которого лежит эксплуатация наемного труда капиталом [12, с. 145]. Институционалисты добавляют к этому транзакционные издержки и роль институтов [10, с. 56]. Все они сходятся в одном: экономика есть производство. Мы предлагаем иную концепцию.

Сразу отметим, что наша модель не отменяет классического политико-экономического анализа материальных факторов производства - технологий, ресурсов, энергетики, издержек. Она задаёт антропологическое основание, позволяющее объяснить, почему при сходных материальных условиях складываются разные экономические конфигурации и почему одни и те же ресурсные и технологические факторы ведут к разным социальным результатам. Категории товара, денег, труда и капитала переосмысляются не как альтернатива их классическим определениям, но как дополнение, раскрывающее ту размерность экономического обмена, которая остаётся невидимой при исключительно материалистическом или технологическом подходе.

Если человек по природе несвободен, если подчинение - его инстинкт, то экономика не может быть понята как сфера реализации свободы (либерализм) или ее отчуждения (марксизм). Экономика есть система, которая: организует инстинкт подчинения, направляя его в определенные русла; стабилизирует подчинение, делая его предсказуемым, долгосрочным, воспроизводимым; легитимирует подчинение, превращая его из голого принуждения в осмысленное, приемлемое, желательное. Рынок, частная собственность, наемный труд, деньги, кредит - это не «экономические категории» в старом смысле, а формы легитимации подчинения, которые в определенных исторических условиях оказались эффективнее других.

Легитимация - ключевая категория предлагаемой политэкономии. Это не «идеология» и не «надстройка» в марксистском смысле, а механизм, который превращает голый инстинкт подчинения в устойчивую социальную форму. Без легитимации подчинение остается хаотичным, нестабильным, требующим постоянного насилия. Легитимация же делает подчинение осмысленным, предсказуемым, психологически выносимым [4, с. 204].

Как отмечает В.В. Бирюков, «государство является особым субъектом многоуровневой системы экономических отношений» [3, с. 26]. В предлагаемой модели политической экономии несвободы государство может быть понято не как нейтральный арбитр или надстроечный институт, а как один из ключевых механизмов легитимации подчинения — наряду с рынком, культурой и прямым насилием.

Либеральная теория принимает рыночные формы легитимации за саму реальность, однако, по нашему мнению, «свободный обмен» - это форма легитимации подчинения, при которой подчинение переживается как «свободный выбор». Человек подчиняется работодателю, потому что «сам выбрал» эту работу, бренду, потому что «сам выбрал» этот товар, кредиту, потому что «сам решил» его взять. Либеральная модель не описывает реальность; она легитимирует одну из ее форм.

К. Маркс ближе к истине, утверждая, что за формальным равенством рынка скрывается реальное неравенство, но остается в парадигме «освобождения». Коммунизм для него - царство свободы, снятие отчуждения, возвращение человеку его родовой сущности. Маркс ошибается в надежде. Коммунизм - это не освобождение, а смена формы легитимации подчинения: от рыночной к плановой, от индивидуальной к коллективной.

Институционализм делает шаг в правильном направлении. Р. Коуз показал, что экономика включает не только рынок, но и институты - фирмы, государство, право - которые снижают транзакционные издержки [10, с. 68]. Д. Норт добавил к этому роль институциональной среды [16, с. 34]. Но институционалисты «одержимы» эффективностью самих институтов, а вопрос не в ней, а в

том, какую цену (материальную, символическую, психологическую) платит субъект за подчинение.

Под издержками легитимации понимается совокупность ресурсов (материальных, символических, психологических, институциональных), которые система затрачивает на то, чтобы форма подчинения была принята как естественная, справедливая, желательная или хотя бы неизбежная. Материальные издержки включают ресурсы на рекламу, пропаганду, образование, суды, полицию, армию, бюрократию. Символические издержки - создание и поддержание нарративов, брендов, ритуалов, символических иерархий. Психологические издержки - усилия самого подчиняющегося по переживанию подчинения как свободы (когнитивный диссонанс, самооправдание, внутренняя идеология). Институциональные издержки - создание и поддержание структур, делающих подчинение предсказуемым (право, контракты, корпоративные иерархии).

Классическая институциональная экономика оперирует понятием транзакционных издержек - издержек обмена: поиск информации, заключение контрактов, обеспечение исполнения [10, с. 68; 21, с. 45; 18]. Издержки легитимации не заменяют транзакционные издержки, но дополняют их. Любой обмен (рыночный, административный, иерархический) предполагает не только координацию, но и легитимацию отношений власти. Транзакционные издержки отвечают на вопрос «как осуществить обмен?». Издержки легитимации отвечают на вопрос «почему участники согласны на условия этого обмена?».

Предлагаемые категории не претендуют на замещение классического количественного анализа. Они задают иной уровень абстракции, позволяя объяснить, почему при сопоставимых количественных показателях (рабочем времени, производительности, редкости навыков) возникают устойчивые различия в экономическом положении агентов. Классическая теория фиксирует, сколько произведено и распределено; предлагаемая модель отвечает на вопрос, почему агенты соглашались на те или иные условия распределения. В этом смысле издержки легитимации не отменяют трудовую теорию стоимости или теорию предельной полезности, но указывают на антропологическую предпосылку, без которой количественные зависимости остаются эмпирическими корреляциями, не получившими теоретического объяснения.

Исторические формы легитимации несвободы

Исторические формы легитимации несвободы не совпадают с марксовыми формациями, а суть - самостоятельная типология, построенная вокруг того, кто и как несет издержки легитимации.

Первая форма - легитимация через инстинкты (страх, насилие). Подчинение легитимируется самым прямым способом: страхом смерти, боли, голода, изгнания. Аппарат насилия (вождь, дружина) содержится из того же прибавочного продукта. Легитимация не требует отдельного бюджета, ее издержки легитимации минимальны, а сам вопрос о ее окупаемости не ставится.

Вторая форма - легитимация через культуру (мифы, ритуалы, табу, мораль) как исторически первый «архетип» второй природы. Появление рефлексии определяет возникновение разрыва между инстинктом подчинения и его реализацией - человек начинает осознавать свое подчинение, и это осознание требует объяснения. Культура дает это объяснение. Издержки легитимации распределены на все общество - нет специального отделенного «класса легитиматоров». Вопрос об окупаемости также не ставится, ведь издержки легитимации - это «цена цивилизации», которую платят все.

Третья форма - легитимация через власть (государство, право, идеологию). С возникновением государства, письменности, централизованной бюрократии легитимация отделяется от повседневной жизни. Появляется специализированный аппарат легитимации: жрецы, чиновники, судьи, армия, идеологи. Издержки легитимации теперь несет власть как представитель общества. Вопрос об окупаемости начинает ставиться, но в будущем времени. Власть тратит ресурсы на легитимацию сейчас, чтобы получить стабильность, лояльность, возможность собирать налоги в будущем.

Четвертая форма - легитимация через капитал (рынок, бренды, кредит), который совершает радикальный переворот. Легитимация перестает быть издержкой, которую несет общество или

власть, становится индивидуальной и, что самое главное, самоокупаемой. Реклама, бренды, кредит, страхование, корпоративная культура, личный бренд, коучинг, саморазвитие - все это индустрии, которые продают человеку легитимацию его собственного подчинения. Человек сам платит за то, чтобы его подчинение было упаковано как свобода. И издержки легитимации окупаются в текущем периоде - реклама приносит прибыль, бренд капитализируется, кредит возвращается с процентами.

Особо отметим, что режимы легитимации не отменяют предшествующие, а наслаиваются. Так, страх и насилие никуда не исчезают - в капитализме они локализованы в «страходобывающем» [28, с. 29] секторе и в режиме чрезвычайных ситуаций. Культура в капитализме также продолжает функционировать как инструмент легитимации подчинения (рождественская реклама, «традиционные ценности» как маркетинговый ход). Власть (государство, идеология, право) сохраняется, изменив функцию, - в капитализме государство не столько легитимирует себя само, сколько создает условия для рыночной легитимации (право, полиция, инфраструктура), а также активизируется в зонах низкой эффективности рыночной легитимации. Капитализм субординирует архаичные формы легитимации: страх, культура, власть продолжают «работать», но теперь они обслуживают рыночную легитимацию или компенсируют ее провалы.

Социализм, с точки зрения этой типологии, был не «прогрессом» и не «альтернативой» капитализму. Он был сознательным откатом к более раннему, более затратному режиму легитимации - легитимации через власть и идеологию. Издержки легитимации при социализме были чистыми потерями, которые несло государство. Капитализм же переложил эти издержки на самого подчиняющегося и сделал их самоокупаемыми. Этим объясняется поражение социализма в глобальной конкуренции: система, у которой легитимация не окупается, проигрывает системе, у которой все наоборот.

Итак, капитализм - это третья, последняя на сегодня форма организации издержек легитимации. Он сделал то, что не удавалось ни одному предыдущему режиму: переложил издержки легитимации на самого подчиняющегося и сделал их самоокупаемыми и оттого, капитализм не сменяем. Он может только развалиться имманентно - изнутри, когда рентабельность легитимации упадет до нуля. Но это будет не смена системы, а ее распад, за которым последует не «новый, более свободный строй», а либо возврат к легитимации через насилие, либо возврат к культуре и власти, либо рекомбинация тех же элементов. Все попытки революций на этой стадии ведут вниз (к более затратным, менее устойчивым режимам) или просто видоизменяют капитализм, не меняя его сути.

Капитализм есть конец истории, но не в том смысле, который придавал этому тезису Ф. Фукуяма. Капитализм есть конец истории поскольку оказался предельной формой организации несвободы, за которой не последует смена режима легитимации, но возможен либо имманентный распад системы, либо архаизация.

Эвристический потенциал политэкономии несвободы

Итак, капитализм - финальная форма легитимации несвободы не потому, что он «свободнее» или «эффективнее», а потому что он переложил издержки легитимации на самого подчиняющегося и сделал их самоокупаемыми. Если это так, то фундаментальные категории политической экономии - товар, деньги, труд, капитал, прибавочная стоимость, кризис, рента - должны быть переосмыслены, но не как самостоятельные сущности, а как способы существования подчинения, различающиеся по форме, временному горизонту и эффективности легитимации.

Возьмём товар. В обыденном сознании и в классической теории товар есть вещь, произведённая для обмена. Но что делает вещь товаром? Не только затраченный на неё труд и не только её полезность. Товаром её делает то, что она несёт в себе готовое, уже легитимированное подчинение. Человек, покупая брендовую вещь, приобретает право занять определённое место в иерархии, право на признание, право на идентичность. Цена, которую он платит, многократно превышает материальные издержки производства. Этот избыток - не «прибавочная стоимость» в марксовом смысле и не «редкость» в либеральном, а капитализированная легитимация. Рынок труда, где

подчинение продаётся напрямую без вещного опосредования, обнажает эту природу любого товара. Товар делает подчинение удобным: не нужно завоёвывать статус, можно купить бренд; не нужно строить личные отношения зависимости, можно нанять услугу; не нужно воевать за ресурсы, можно купить вещь. Товар есть подчинение, очищенное от грязи, риска и ответственности, упакованное в форму, готовую для комфортного присвоения.

Деньги предстают не как универсальный эквивалент стоимости, а как универсальный легитиматор несвободы. Деньги позволяют переводить издержки легитимации из одной формы в другую - страх конвертируется в зарплату охраны, лояльность - в премию, статус - в цену бренда. Кредит же есть не что иное, как продажа легитимации будущего подчинения. Беря кредит сегодня, человек легитимирует своё будущее подчинение (проценты, график платежей) уже в настоящем моменте. Товар и деньги образуют замкнутый контур: подчинение превращается в товар, товар продаётся за деньги, деньги легитимируют новое подчинение. Капитализм потому и самовоспроизводится, что этот контур не требует внешнего ресурса.

Труд, с этой точки зрения, есть прямая форма подчинения. Рынок труда - это не рынок «способностей» и не рынок «рабочей силы». Работодатель покупает не навыки и не время, а право распоряжаться подчинением работника в течение определённого срока. В предлагаемой модели марксово различие рабочей силы и труда обретает новый смысл. Рабочая сила - это подчинение, проданное как потенция, как обещание будущей лояльности. Труд - это подчинение, актуализированное в процессе, где издержки легитимации несёт сам работник ежедневно. Фриланс и прекариат, которые либеральная риторика выдаёт за «освобождение», на деле есть индивидуализация подчинения. Издержки легитимации полностью перекладываются на работника: он сам должен объяснять себе и другим, почему его подчинение - это «свобода», «самореализация», «выбор». Система не платит за стабильность, а работник платит за иллюзию автономии.

Отсюда проясняется природа разрыва в зарплатах, который трудовая теория стоимости не может четко объяснить. Программист и уборщица могут затрачивать сопоставимое количество времени и усилий. Но программист легитимирует своё подчинение как «творчество», «карьеру», «миссию», отдавая себя добровольно, с энтузиазмом, с полной идентификацией. Уборщица легитимирует свое подчинение как «просто работу», без отождествления. Зарплата есть плата не за труд и не за квалификацию, а за качество легитимации. Чем глубже человек отождествляет себя со своим подчинением, тем дешевле оно обходится системе, но тем больше система вынуждена платить, чтобы поддерживать иллюзию, на которой держится это отождествление.

Капитал предстаёт не как самовозрастающая стоимость и не как фактор производства, а как подчинение, аккумулированное в форме обещания. Капиталист - не тот, кто владеет средствами производства, а тот, кто обладает правом на будущее подчинение других. Инвестировать - значит утверждать, что в будущем кто-то будет легитимировать своё подчинение таким образом, что инвестор получит с этого прибыль. Процент есть плата за согласие на будущее подчинение. Низкий процент означает, что будущее подчинение легитимировано настолько надёжно, что люди почти не требуют компенсации за риск. Высокий процент - симптом кризиса легитимации: чтобы заставить кого-то согласиться на будущее подчинение, нужно платить больше.

Прибавочная стоимость, центральная категория марксизма, также получает новое определение. Маркс показал, что капиталист присваивает разницу между стоимостью, созданной трудом рабочего, и стоимостью его рабочей силы. Но что делает возможным это присвоение? Рабочий легитимирует своё подчинение не ровно настолько, чтобы компенсировать воспроизводство самой способности подчиняться, а всегда больше - в этом и проявляется инстинктивность подчинения. Этот избыток и есть резерв прибавочной стоимости. А сама прибавочная стоимость есть мера успешности канализации человеческого инстинкта подчинения в формы, которые окупаются.

Кризис, с этой точки зрения, есть не перепроизводство товаров и не сбой в рыночном механизме, а разрыв в цепочке легитимации подчинения. Инстинкт подчинения никуда не исчезает, а перестаёт

канализироваться в привычные русла. Человек перестаёт верить, что эта форма подчинения - достойная, осмысленная, приемлемая. Издержки легитимации резко возрастают. Систему, которая привыкла получать подчинение «на автомате», приходится объяснять, оправдывать, навязывать заново.

Рента в нашей концепции не является видом дохода, требующим отдельной теоретизации. Рента есть подчинение, достигшее такой степени легитимации, что оно стало самовоспроизводящимся. Рантье получает доход, не организуя подчинение ежедневно, просто имеет право на изъятие, и это право легитимировано настолько, что работает само. Рента - не атавизм и не пережиток прошлого, а предельная форма организации подчинения, к которой стремится любой капитал: перестать быть процессом, а стать структурой.

Глобализация также видится под другим углом. Капитал ищет не дешёвую рабочую силу, а места, где подчинение легитимируется дешевле. В разных культурах, странах, регуляторных режимах - разная «цена» легитимации. В одном месте рабочий требует высокой зарплаты, социальных гарантий, уважения, идентификации с «миссией». В другом - рабочий уже готов подчиняться: культурой, традицией, отсутствием альтернатив, историческим опытом, страхом. Капитал идёт туда, где дешевле подчинять. Не нужно тратить на убеждение, на создание идентичности, на сложные системы мотивации. Глобализация выравнивает не цены на труд, а издержки легитимации подчинения.

Эвристический потенциал предложенной концепции не исчерпывается пересмотром фундаментальных категорий, но и позволяет объяснить феномены, остающиеся проблемными для классической политической экономии. Понятие абстрактного труда, на котором Маркс строил теорию стоимости, оказывается теоретической фикцией, не имеющей эмпирического коррелята. Никакого «абстрактного труда» нет. Есть только конкретные формы легитимации подчинения. Цена - не мера труда, а мера успешности легитимации, зафиксированная в обмене. Экологический кризис предстаёт не как проблема «внешних эффектов» и не как результат погони за прибылью, а как кризис легитимации целых отраслей и форм жизни. Нефть, уголь, автомобиль, мясо, быстрая мода - это не просто товары, а формы подчинения, с которыми люди идентифицируются. Цифровые платформы и криптовалюты в предлагаемой концепции также определяются: первые - как наиболее совершенная форма централизованной легитимации, где алгоритм заменяет надзирателя, а пользователь сам отдаёт себя, переживая это как свободу; вторые - как попытка децентрализованной легитимации, где подчинение протоколу, сообществу и вере заменяет подчинение государству и корпорации.

Заключение

Предложенная концепция исходит из онтологического тезиса, расходящегося с аксиоматикой классической политэкономии: человек по природе несвободен, подчинение составляет его инстинкт, а экономика есть не сфера производства благ и не пространство реализации свободы, а система организации подчинения в устойчивые формы.

Легитимация выступает механизмом, превращающим голый инстинкт в социально приемлемое, психологически выносимое, институционально закреплённое отношение, а издержки этой легитимации (материальные, символические, психологические, институциональные) различают исторические режимы организации подчинения.

Капитализм оказался способным не только переложить издержки легитимации на самого подчиняющегося, но и сделать их самоокупаемыми. Легитимация перестала быть бременем, став товаром, который человек покупает, искренне веря, что покупает свободу.

Предложенное определение позволило переосмыслить фундаментальные категории политической экономии. Товар определён как универсальный эквивалент подчинения, готовый для комфортного присваивания; деньги - как универсальный легитиматор несвободы; труд - как прямая форма подчинения; капитал - как подчинение, аккумулированное в форме обещания будущего подчинения; прибавочная стоимость - как избыток легитимированного подчинения; кризис - как

разрыв в цепочке легитимации; рента - как подчинение, ставшее самовоспроизводящимся.

Предложенная модель, безусловно, имеет границы, которые необходимо обозначить.

Во-первых, она не отменяет классический политэкономический анализ, но надстраивается над ним. Категории, переосмысленные в работе (товар, деньги, труд, капитал), сохраняют свою операциональность для конкретного экономического анализа. Предлагаемая рамка задаёт онтологический фундамент, но не подменяет собой институциональный, эмпирический и исторический уровни исследования. Как отмечает Л.А. Карасёва, «чем больше мы абстрагируемся в научном познании, тем глубже, (а не полнее) познаем практику» [9, с. 15]. Именно эту задачу - углубления, а не расширения описания - решает предложенная онтология несвободы, выходя к антропологическим основаниям, которые в современной экономической теории остаются либо нерелексируемыми, либо редуцированными.

Во-вторых, типология четырёх режимов легитимации (инстинкты, культура, власть, капитал) не претендует на исчерпывающее описание всех исторических форм. Она выделяет идеальные типы в веберовском смысле, которые в чистом виде встречаются редко, но позволяют анализировать конкретные общества как гибридные образования, где разные режимы наслаиваются друг на друга.

Дискуссионным остаётся вопрос о нормативных следствиях предлагаемой рамки.

Если человек по природе несвободен, если любая экономика есть организация подчинения, а капитализм - предельная форма этой организации, то что остаётся для критики? Ответ, предложенный в работе, носит предварительный характер. Критика возможна не во имя «освобождения» (которое недостижимо), а во имя качества подчинения. Разные формы легитимации несут разные издержки для подчиняющегося. Прозрачность механизмов легитимации, обратимость форм подчинения, минимизация унижения - эти критерии обозначены как возможное направление нормативной рефлексии, но не получили в работе операционального определения. Разработка шкал измерения качества подчинения и сравнения режимов по цене легитимации остаётся открытой задачей, выходящей за пределы данной теоретической работы.

Если в предложенной модели всё сводится к подчинению, не означает ли это исчезновение субъекта в принципе, трансформацию концепции в реинкарнацию экономического детерминизма? Предложенная модель не отрицает субъектности, но показывает, что субъект конституируется через подчинение (языку, другому символическому порядку), а не предшествует ему. В углублении дискуссии можно отметить и то, что предложенная онтологизация несвободы не означает косвенного оправдания политического консерватизма, легитимации любого существующего порядка. Диагностика того, что человек по природе несвободен, не утверждает, что любая форма несвободы равноценна. Предложенное различие издержек легитимации позволяет сравнивать режимы, выявлять их цену для подчиняющегося, формулировать критерии улучшения качества подчинения.

Наконец, предвосхищая возражения относительно эмпирической верифицируемости предложенных категорий, можем отметить, что издержки легитимации - это не метафора, а операциональное понятие. Они поддаются приблизительному измерению: доля рекламного рынка в ВВП, расходы на пропаганду и идеологию, бюджет силовых структур, доля административных издержек в цене товара, временные и ресурсные затраты на «обход» легитимационных барьеров. Однако, данная статья имеет сугубо теоретически характер, развитие эмпирической базы предложенной концепции - задача последующих исследований.

Предложенная политэкономия несвободы не обещает освобождения. Она обещает трезвость. Перестать задавать неразрешимые вопросы («как освободить человека?») и начать задавать разрешимые («как улучшить качество подчинения?») - возможно, единственная форма свободы, доступная существу, которое есть память, форма и подчинение. Не свобода, а достойная несвобода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж. Номос сасер. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
2. Бергсон А. Материя и память /Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. – М.: Московский Клуб, 1992. – С. 160–316.
3. Бирюков В.В. Поиск современной политико-экономической парадигмы и актуализация идей классической политической экономии //Теоретическая экономика. 2024. № 12. С. 22–32. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-12-22-32. EDN: GIWUVQ
4. Бурдье П. О государстве – М.: Дело, 2005. – 288 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа – М.: Наука, 2006. – 440 с.
7. Деррида Ж. Голос и феномен – С-Пб.: Алетейя, 2000. – 208 с.
8. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. – С-Пб.: Азбука-классика, 2003. – 224 с.
9. Карасёва Л.А. Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки // Теоретическая экономика. 2025. № 7. С. 12–25. DOI:10.52957/2221-3260-2025-7-12-25. EDN:SIQQDS
10. Коуз Р. Фирма, рынок и право – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.
11. Лакан Ж. Семинары. Книга VII. Этика психоанализа – М.: Гнозис, 2019. – 432 с.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. – М.: Эксмо, 2013. – 1200 с.
13. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. – М.: Эксмо, 2014. – 160 с.
14. Ницше Ф. К генеалогии морали /Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 407–524.
15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: Мысль, 1990. – 336 с.
16. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: ИД ВШЭ, 2010. – 256 с.
17. Паскаль Б. Мысли. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 480 с.
18. Сергеев М. Российская экономика: институциональные ловушки – М.: ИД ВШЭ, 2012. – 320 с.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
20. Спиноза Б. Этика. – М.: АСТ, 2019. – 352 с.
21. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – С-Пб.: Лениздат, 1996. – 704 с.
22. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия – М.: АСТ, 2019. – 160 с.
23. Фрейд З. Я и Оно. – С-Пб.: Питер, 2016. – 224 с.
24. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2018. – 288 с.
25. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ад Маргинем, 2011. – 416 с.
26. Хайдеггер М. Бытие и время. – С-Пб.: Наука, 2002. – 452 с.
27. Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Экономика, 2001. – 264 с.
28. Чекмарев В. В. От существующего к возможному. Вступительное слово выпускающего редактора // Вопросы политической экономии. 2026. № 1 (45). С. 28–31. DOI: 10.5281/zenodo.19016033.
29. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 448 с.
30. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1988. – 482 с.
31. Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. J., Sanford R. N. The Authoritarian Personality. – New York: Harper & Brothers, 1950. – 990 p.
32. Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View / S. Milgram. – New York: Harper & Row, 1974. – 224 p.
33. Zimbardo P. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil / P. Zimbardo. – New York: Random House, 2007. – 576 p.

Toward an Ontology and Categorization of the Political Economy of Unfreedom

Ushakov Denis Sergeevich

Doctor of Economic Sciences, Professor

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: fintaliano@yandex.ru

Podolskaya Tatiana Valentinovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: Podolskaya-tv@ranepa.ru

KEYWORDS

political economy, ontology, unfreedom, submission, legitimation, costs of legitimation, capitalism, instinct of submission

ABSTRACT

The article proposes the construction of a political economy based on anthropological foundations distinct from those of liberalism, Marxism, and institutionalism. Challenging the axiom that human beings strive for freedom, the authors draw on the traditions of philosophical anthropology, psychoanalysis, and social psychology (B. Pascal, F.M. Dostoevsky, A. Schopenhauer, F. Nietzsche, S. Freud, E. Fromm, J. Lacan, S. Milgram, P. Zimbardo, T. Adorno, G. Agamben), which substantiate the thesis that submission is embedded in the structure of subjectivity, operates unconsciously, and leads human beings to actively avoid freedom. From this, an alternative anthropological axiom is derived: human beings are unfree by nature; submission constitutes their instinct. The economy is defined not as a sphere of production or a space for the realization of freedom, but as a system for organizing submission into stable, reproducible forms. Legitimation serves as the key mechanism that transforms the instinct of submission into a socially acceptable and institutionally entrenched relation. The costs of legitimation-material, symbolic, psychological, and institutional-serve as criteria for distinguishing historical regimes of submission. Capitalism is characterized as a form in which legitimation acquires the character of a self-liquidating commodity, while its costs are shifted onto the subject of submission itself. On the basis of this proposed ontology, the fundamental categories of political economy-commodity, money, labor, capital, surplus value, crisis, rent-are reinterpreted. The heuristic potential of the model is demonstrated through phenomena that remain problematic for classical approaches: wage differentiation, globalization, the ecological crisis, and the digital economy. The study is theoretical in nature and outlines directions for the subsequent empirical operationalization of the proposed categories.
